

Министерство образования Российской Федерации
Тверской государственной университету

Провинция КАК РЕАЛЬНОСТЬ и ОБЪЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Материалы научной конференции

29.08 - 1.09.2001

Тверь

ТВЕРЬ 2001

М.Л. Лурье

«ВЕСЬЕГОНСК ГОРОДИШКО ПРЕБЕДНЕЙШИЙ» (Взгляд на уездный город в путевых заметках XIX века)

Думаю, что все сказанное о Весьегонске можно применить к сотням русских уездных городов...

И. Гаузнер

1

В последние годы появился ряд работ, посвященных феномену провинциального текста и провинциального мифа в русской культуре¹. В качестве материала, репрезентирующего параметры образа провинции или устойчивые черты локального мифа того или иного города (местности), исследователи привлекают широкий круг самых разнообразных текстов от городских толков и любительских стихотворений до заметок в местной периодике и произведений художественной классики. К анализу привлекались, но предметом специального описания пока не стали многочисленные тексты, в которых в силу специфической прагматики жанра повествование о провинции и провинциальной жизни составляют не фон, не антураж, не «элемент поэтики», а основу содержания. Мы имеем в виду путевые очерки, авторы которых рассказывают о своих поездках по городам и весям, излагают полученные сведения и собственные наблюдения, делятся своими впечатлениями – одним словом, открыв для себя тот или иной уголок русской провинции, целенаправленно открывают его для своего гипотетического читателя².

Речь пойдет о публицистических очерках, которые целиком соответствует понятию путевых заметок и четко отграничиваются от путешествий, где форма повествования о дорожных событиях и впечатлениях используется как жанрово-композиционный прием даже в тех случаях, когда само прототипическое путешествие действительно дало

¹ Нам неизбежно придется ссылаться на издание материалов “провинциальных” конференций: *Русская провинция: миф – текст – реальность*. М.: СПб., 2000.

² Материал путевых очерков использовали и некоторые авторы сборника «Русская провинция...» (В.В. Абашев, Т.В. и П.А. Клубковы, И.А. Разумова и др.). Специально анализу путевых заметок одного автора посвящена статья У. Перси «Русские столицы и русская провинция в мемуарных текстах Ивана М. Долгорукова» (там же. С. 56–64).

материал для произведения³. К середине XIX в. традиция сентиментальных путешествий в своем романтическом изводе в целом завершается (последним крупным произведением в этом роде можно считать «Фрегат “Палладу”» Гончарова), и «все более путевой очерк сближается с “ученым” “путешествием”, сообщаям точные данные о хозяйстве, экономике»⁴ и, продолжим, – об истории, культуре и социальном укладе посещаемых местностей.

Надо сказать, что путевых очерков, посвященных русской провинции XIX в., значительно меньше по сравнению с теми, в которых излагаются впечатления от поездок в другие страны или к экзотическим народам национальных окраин империи⁵. Такое положение дел уже современникам представлялось неудовлетворительным; публицисты писали о катастрофическом отсутствии «беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной России» (В.Г. Белинский). Примерно с середины столетия в связи с развитием транспортной системы и туризма, с одной стороны, и возрастанием популярности очерка как публицистического жанра, с другой, удельный вес провинциальных «путешествий» заметно возрастает, хотя сетования на их нехватку не прекращаются, оборачиваясь в устах самих авторов путевых заметок обоснованием социальной актуальности их сочинений. «Я решаюсь ныне поделиться ими с читателями, – пишет автор “дорожных заметок” в конце 1860-х годов, – в надежде, что и мои скромные записки будут не лишними в нашей литературе, столь бедной путешествиями по внутренней России и описаниями наших местных примечательностей»⁶.

³ О проблематичности разделения путевых очерков на «художественные» и «нехудожественные» см.: *Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествия в русской литературе: Автореф.... канд. филол. наук. М., 1979. С. 8.

⁴ *Гасьмова С.М.* кызы. Восточная тематика в русских путевых очерках 40–60-х годов XIX века: Автореф.... канд. филол. наук. Баку, 1994. С. 10.

⁵ Абсолютное большинство путевых очерков, рассматриваемых в существующих работах (начиная с классической статьи Т. Роболи «Литература “путешествий”» // *Русская проза*. Л., 1926) посвящены описанию поездок в другие страны или в иноэтнические регионы России, а не путешествий по российской провинции (см., кроме указанных в примечаниях 3 и 4: *Маслова Н.М.* Путевой очерк: проблемы жанра. М., 1980; *Михельсон В.А.* «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону, 1974).

⁶ *Ховен А.И. фон дер.* Тихвинская система: Из дорожных заметок на пути из Петербурга в Крым // *Русский вестник*. 1869. Т. 80. № 4. С. 775. Далее цита-

Говоря о романной «дороге», которая проходит «по своей стране, а не в экзотическом чужом мире», и при этом «раскрывается и показывается социально-историческое многообразие этой страны», М.М. Бахтин отмечает, что «в этой своей функции “дорога” была использована не только в романе, но и вне романа, в таких несюжетных жанрах, как публицистических путешествиях XVIII века <...> и в публицистических путевых очерках первой половины XIX века»⁷. Относительно русских путевых очерков, описывающих поездки «по своей стране», сказанное требует некоторого уточнения. Дело в том, что под достойными отражения провинциальными «примечательностями» авторы путевых заметок понимают не только культурные или природные объекты, обладающие особой историко-культурной и эстетической ценностью, но в первую очередь совокупность всех тех черт и реалий бытового, социального, культурного и проч. уклада местной жизни, которые представляются путешественнику характерными, во-первых, для данного города или местности и, во-вторых, для русской провинции в целом. Отсюда и такие фрагменты: «Здесь есть довольно чистый постоялый двор для приезжих, предлагающий даже постельное белье на диваны, по обыкновению набитые булжником и преисполненные клопами»⁸, – где специфицирующее даже соседствует с унифицирующим по обыкновению. Оппозиция локальное/общее или уникальное/тривиальное в отношении к провинциальным реалиям покрывается оппозицией провинциальное/непровинциальное. Путешествие русского по России – это заведомо путешествие по провинции, которая в силу основных стереотипных характеристик – инакости и неизведанности – представляется не своим, хотя это и своя страна, а «экзотическим чужим миром», более того, при изображении провинции эта «чуждость чужого подчеркивается, т.е. смакуется и подробно изображается на фоне своего, обычного и знакомого»⁹.

В.М. Гуминский, вслед за М.М. Бахтиным (у последнего, правда, речь идет об античном географическом романе), отмечает, что «проти-

ты даны в тексте с указанием страницы. В. Сидоров, автор нескольких книжек «путевых заметок и впечатлений», повторит те же жалобы в 1894 г., объясняя малочисленностью и дороговизной изданий путевой литературы торможение в развитии отечественного туризма (см. преамбулу к его кн.: По России. 1. Волга. Путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. СПб., 1894).

⁷ Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 393–394.

⁸ А. 3-н. Путевые заметки о городах Тверской губернии. I. Вышний Волочок // Московские ведомости. 1862. № 13 (18 января). С. 105.

⁹ Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. С. 251.

вопоставление *свой – чужой* (пространственная реализация: близкий – далекий) является исходной жанрообразующей оппозицией в «путешествиях», но проявляется здесь не столько в виде противопоставления, сколько сопоставления, сравнения *своего* и *чужого*, смысл которого – «показать значение *родины* – и шире – любого *своего* мира как реального центра, дающего масштаб для подхода и оценки *чужого* мира путешествия (различия в природе, культуре, быте)»¹⁰. Для путевых очерков в целом нехарактерно противопоставление провинции столице. Лишь изредка оно в имплицитной форме проскальзывает, например, в сообщении о том, что в городе есть «только два трактира, где ничего путного получить нельзя, но которые берут, особенно с приезжих, петербургские цены»¹¹. При этом позиция автора в русских путешествиях по провинции – «по умолчанию» позиция непровинциала, и, соответственно, все провинциальное воспринимается как чужое, а в качестве реального центра, дающего масштаб, выступает мир столицных представлений о норме. Таким образом, внутренней пружиной развертывания текста является неизбежная в данном случае позиция сопоставления чужого мира провинции с этой нормой.

2

Чтобы проследить, как в путевых заметках, посвященных презентации (а) реальных и (б) конкретных мест, создается образ провинциального города, целесообразно и корректно будет рассмотреть несколько текстов, обращенных к одному пространственному объекту, привлекая другой материал лишь в качестве необходимой жанровой массы. В качестве такого объекта мы избрали уездный город Тверской губернии Весьегонск, которому посвящены фрагменты трех путевых очерков 1840–1860-х гг.¹² Осенью 1841 г., путешествуя по северо-

¹⁰ Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествия в русской литературе. С. 10.

¹¹ А. 3-н. Путевые заметки о городах Тверской губернии. II. Весьегонск, Красный Холм и Бежецк // Московские ведомости. 1862. № 25 (1 февраля). С. 201. Далее цитаты даны в тексте с указанием страницы.

¹² В последних числах декабря 1796 или в самом начале 1797 г., Весьегонск проездом посетила Е.Р. Дашкова: в тридцати верстах от города находилось село Коротово, указанное ей Павлом I как место ссылки. Пребыванию в городе уделено около страницы в «Записках» Дашковой. Однако «Записки» – произведение мемуарного, а не очеркового характера; кроме того, не стремясь описывать все пункты своего вынужденного путешествия, Дашкова сообщает лишь о визитах к ней отставленного и нынешнего весьегонских городничих и упоминает о ярмарке, «бывшей в то время одной из самых значительных в империи» (Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 190).

западным районам страны, город посетил М.П. Погодин, опубликовавший спустя семь лет свои «Путевые записки» в издаваемом им «Москвитянине»¹³. В декабре 1961 г., объезжая города Тверской губернии, в Весьегонске побывал некий А. З-н: так подписаны его подробные «Путевые заметки», опубликованные в «Московских ведомостях»¹⁴. Наконец, летом 1867 г., следуя по служебным обязанностям водным путем из Петербурга в Крым, через Весьегонск проезжал А.И. фон дер Ховен, отразивший свои впечатления в «дорожных заметках» «Тихвинская система», опубликованных в «Русском вестнике».

Все три путешественника, судя по всему, оказались в Весьегонске впервые и едва ли прежде много слышали об этом малопримечательном «пребеднейшем городишке» (Погодин), «более похожем на деревню» (А. З-н). В отличие от весьегонского уездного врача И. Гаузнера, опубликовавшего энциклопедическое по своим установкам описание города¹⁵, путешественники фиксировали в своих путевых блокнотах то, что каждому из них почему-то представлялось интересным, запоминалось или бросалось в глаза. «Во время долгого странствования, пишет А.И. фон дер Ховен, – я набрасывал заметки о всем, что казалось мне заслуживающим внимания...» (С. 775) Так постулируется стихийная рецептивность в изображении провинциальных реалий: мы видим провинцию, пропущенную через восприятие автора-очевидца.

В записках каждого из путешественников ощущается какой-то преобладающий интерес, у каждого был свой индивидуальный «задор», во многом определяющий угол зрения на посещаемые места и отбор интересующих объектов. Так, любителя русских древностей Погодина в первую очередь интересовали духовная жизнь, памятники старины, исторические предания и возможные археологические находки; либерально настроенный шестидесятник А. З-н объезжал города, по-видимому, с целью ознакомиться с социальной сферой жизни тверской

провинции: он исследует уездные нравы, благоустройство города и занятость населения, образовательные и медицинские учреждения и т. п.; Ховен подробнейшим образом описывает технологию перемещения транспорта по Тихвинской водной системе на каждом из ее участков. И при всем при том в записках о Весьегонске мы увидим много общего – и между собой, и с заметками о других городах.

3

Итак, рассмотрим, из каких элементов складывается в путевых очерках образ провинциального города, и конкретно – уездного города Весьегонска.

Обязательный элемент путевых впечатлений – дорога и ночлег, точнее, дорожные приключения и неудобства ночлега. С дорогой больше других не повезло Погодину: ямщик, который, как выяснилось, «не знал вовсе дороги», завез путешественников «Бог знает в какие дебри. Тарантас качало из стороны в сторону. Того и гляди, что опрокинешься. Не только следу, но и зги не видать. Мы перетрусились» (С. 106). О подобном приключении, затруднившем путь, упоминает и В.И. Немирович-Данченко, которого по дороге от вокзала до гостиницы елецкий извозчик «для первого дебюта завез <...> в какую-то яму, завяз там и освободился только при помощи проходившего мимо обоза»¹⁶. Однако если эта история подается рассказчиком как инициальное столкновение с городским пространством Ельца («первый дебют»), то погодинское блуждание «среди мертвой тишины и в глубочайшем мраке», закончившееся переправой через реку под пение паромщиком акафистных строк «Тебе, на водах повесившему всю землю...» (С. 106–107), выглядит свидетельством удаленности и труднодоступности Весьегонска, обретающей даже некоторый мифопоэтический оттенок. Эпические атрибуты баснословной глуши сообщает местности, окружающей «самый удаленный от центра из городов Тверской губернии», и другой путешественник: «Здесьние леса по всей справедливости могут быть названы непроходимыми, и в них множество мачтовых дерев, считающих свое существование целыми столетиями. В здешней лесной стороне медведи никого не удивляют <...> о волках нечего и говорить. Они врываються зимой почти каждую ночь в самый город Весьегонск и похищают отсюда кошек и собак» (№ 25. С. 200). Значение удаленного захолустья, по-видимому, так прочно закрепилось за Весьегонском в сознании автора очерка, что даже при-

¹³ Погодин М.П. Путевые записки профессора Погодина по некоторым внутренним губерниям. Белозерск, Весьегонск, Бежецк, село Боженки и возвращение в Москву // Москвитянин. 1848. Ч. 6. № 12. С. 99–122. Далее цитаты даны в тексте с указанием страницы.

¹⁴ Весьегонский краевед Б.Ф. Купцов высказал предположение, что автором очерка был М.Е. Салтыков (См.: Купцов Б.Ф. Весьегонск. Вехи истории. Тверь, 1997. С. 122). Действительно, за год до обозначенной даты написания «Заметок» тверской вице-губернатор М.Е. Салтыков объезжал те же города с ревизией. Однако манера повествования, равно как и позиция повествователя, заставляют полагать гипотезу Б.Ф. Купцова маловероятной.

¹⁵ Гаузнер И. Город Весьегонск Тверской губернии в медико-санитарном отношении. Весьегонск, 1902.

¹⁶ Немирович-Данченко В.И. Елец. (Из записок скучающего туриста) // Русская мысль. 1885. № 6. С. 110.

чиной существования в нем грандиозной Крещенской ярмарки с оборотом (по его же сведениям) в миллион рублей, он считает «конечно, отдаленность этого края от всех больших торговых центров» (С. 201).

Что же касается бытовых условий проживания в городе, то тот же А. З-н, вообще уделяющей этой характеристике посещаемых им мест немало внимания, сообщает: «В бытность нашу в Весъегонске во всем городе не было в продаже ни одной стеариновой свечки. Удобств жизни, особенно для приезжего, в уездных городах бесполезно искать. Слава Богу, если найдется постоялый двор с особенной комнаткой, преисполненной блохами и клопами. Впрочем, к чести Весъегонска надобно сказать, что здесь постоялый двор не хуже, чем во Ржеве, и хозяева услужливые и добросовестные люди» (С. 201). Весь последний фрагмент, на наш взгляд, чрезвычайно показателен. Автор, исходя одновременно из собственного конкретного опыта и из общего места провинциального мифа, едва не подменяет первого вторым. Затем он как бы спохватывается и, проявляя беспристрастность стороннего наблюдателя, восстанавливает справедливость («впрочем, к чести Весъегонска»), однако и здесь не может удержаться от соблазна сопоставления («не хуже, чем во Ржеве»). Весъегонские реалии, таким образом, немислимы вне общепроvincialного контекста.

4

Помимо физического дискомфорта, путешественники, как правило, испытывают в провинции острое чувство интеллектуального вакуума. Одна из первых конституирующих черт образа провинции – отсталость, непросвещенность, упрямая серость провинциалов. В этом плане очень примечательны записки Погодина, которого в Весъегонск влекло главным образом желание побывать на реке Сить, знаменитой произошедшей на ней битвой русских с татарами. Поиск исторической речки определяет основной сюжет весъегонско-бежецкой части погодинских записок, как, впрочем, и сам маршрут путешествия (Красный Холм, Бежецк, Богословское, Боженьки). «31. Первый визит к приходскому учителю <...> “Далеко ли до Сити?” Не знает. Здесь не слыхать о такой реке. К капитану-исправнику. Тот же ответ. “На что вам эту реку?” На ней происходило знаменитое сражение с татарами. “Нет у нас такой реки”. Помилуйте, в наших географиях везде стоит: Весъегонск, в уезде которого протекает река Сить, при коей было сражение...» (С. 107). Далее следует продолжение диалога с капитаном-исправником, затем визит (разумеется, с той же целью) к окружному начальнику, а далее на половине страницы умещается посещение собора, беседы со священником и с дьяконом (последний рассказывает

«любопытные вещи» о появлении в весъегонском соборе иконы Богоявления), несколько диалектологических наблюдений – и весъегонский фрагмент завершается. Таким образом, Весъегонск в очерке Погодина предстает прежде всего городом, в котором местные чиновники хотя и довольно любезны, но ограничены и нелюбознательны: никто из них ничего не слышал об основной местной достопримечательности – исторической реке Сить.

Характерно, что далее та же история повторится в Красном Холме («Приступил с вопросами о реке Сити, но никто не мог сказать ни слова»), в Антониевском монастыре («О Сити ни от одного монаха не мог узнать ничего. Что за странность. Куда девалась река Сить?») и поначалу в Бежецке («Я отправился прежде всего на почту, но никто не мог сказать мне там ни слова о Сити; в училище также не получил никакого сведения. Меня взяла досада»; С. 109–110). И хотя выясняется, что пресловутая Сить действительно не имеет никакого отношения к Весъегонскому уезду и прав оказался капитан-исправник, а не устаревшие географии (ошибка связана с изменением в административном членении Тверской губернии), но тем не менее впечатление о непроходимой серости уездной интеллигенции остается, и остается тем более, что Погодин, желая предупредить повторение своих ошибок другими, дает совет: «Прежде нежели скажу что-нибудь о Бежецке, сделаю следующее общее замечание для русских путешественников: если кому-нибудь понадобится узнать в каком-нибудь городе о торговле, о духовных делах, о промыслах жителей, об исторических достопамятностях, о дорогах, то должен прежде всего справиться, кто в городе умный человек, и этот умный человек объяснит ему уже все что угодно <...> будет ли он протопоп, или голова, или учитель, или чиновник» (С. 110). В контексте основного сюжета (поиск Сити) этот пассаж читается так: в провинциальной глуши невежество – общая норма, знание – редкое исключение, им обладают единицы («кто в городе умный человек»). Да и какой просвещенности можно ждать от города, в котором смотритель приходского училища «живет в ветхом домишке (уездного училища здесь нет)» (С. 107)?

Об отсутствии в городе уездного училища, кстати, пишет и А. З-н, сетуя, что «доселе уездный город Весъегонск довольствуется одним приходским училищем, в котором, говорят, летом бывает не более 10 учеников, а для девочек равно никакого училища не существует». Показательно, что важность повышения образовательного уровня в городе автор записок ставит в один ряд с благоустройством городского пространства: «Осушение улиц и устройство уездного училища, как предметы, касающиеся благосостояния целого города, едва ли не не-

обходимее других» (С. 200). Именно нечистота городских улиц и помещений и необразованность жителей – едва ли не основные атрибуты-маркеры уездного захолустья. И Весьегонск по обоим этим параметрам как нельзя лучше соответствует стандарту.

Привычка провинциалов к необустроенности жилого пространства вызывает у просвещенного путешественника такой же протест, как и закоснелая дикость их нравов и взглядов. «Весьегонск расположен на берегу Мологи, довольно порядочной реки, к сожалению в очень низкой местности, подверженной ежегодному наводнению, – пишет А. З-н, – кроме того, среди самого города находятся три порядочные болота, никогда не просыхающие и, конечно, портящие воздух» (С. 200). Почти теми же словами описывает Ховен другой уездный город – Тихвин: «Близ берега раскинулась небольшая площадь, при дожде превращающаяся в непроходимое болото <...> Остальные улицы немощеные, грязь и вода стоят лужами» (С. 786–787). Ту же характеристику встречаем и в описании рыбинской площади: «Далее улицу пересекает площадь, хотя и мощеная, но вечно покрытая жидкою грязью» (С. 800). И Весьегонск, каким его увидел путешественник, отлично вписывается в этот ряд: «Наверху, вдоль по берегу грязь непроходимая, как и на большей части остальных улиц» (С. 796).

Заметим кстати, что периодически встречающийся в путевых заметках о провинции и столь устойчивый у Ховена мотив города-болота метафорически коррелирует с темой провинциальной дикости / непросвещенности. Так, В.И. Немирович-Данченко передает свои впечатления от встреч с хлеботорговцами и, в частности, от посещения «грязного кабака», который «является для Ельца чем-то вроде коммерческого клуба» и в котором «все эти невероятные народы (речь идет о богатейших купцах города. – М.Л.), проводят целые вечера, задыхаясь в чаду и смраде <...> Читать ничего не читают. Я, по крайней мере, ни у кого здесь не видал газет в руках». Завершается же главка следующим пассажем: «Если бы я не знал других людей и других сторон елецкой жизни, мне бы, в конце концов, весь этот город показался большою лужей, в которой валяются бесчисленные свиньи»¹⁷.

Что же касается состояния народного просвещения в Весьегонске в оценке Ховена, то к моменту посещения им города там уже было открыто (и кстати, не без положительной роли статьи З-на) долгожданное уездное училище, в нижнем этаже которого помещалась, «как гласит надпись, публичная библиотека» (С. 796). Ирония путешественника по поводу громкого имени уездной читальни вполне оправдана:

библиотека, как выяснил Ховен, была основана по подписке, в которой участвовали несколько помещиков и некоторые горожане, книги были выписаны, «но дело не пошло; с каждым годом число читателей уменьшалось, взносы прекратились, и вот уже три года как не выписывается ни одной книги, и никто не читает. Ни помещики не присылают за книгами, ни жители не дают себе труда приходить в читальню, и книги спят сном силы и покоя» (С. 797).

5

Надпись «Публичная библиотека» на деревянном, почти ежегодно затопляемом разливом реки здании уездного училища, тем более в свете сказанного об участии самой библиотеки, действительно выглядит курьезно, напоминая знаменитую вывеску «Иностранец Василий Федоров» в гоголевском городе N. Встречаются у Ховена и другие иронические упоминания нелепых наименований публичных заведений в провинциальных городах: например, в том же Тихвине на углу одного «деревянного, весьма чистенького, ярко раскрашенного» домика «красуется надпись “агент страхового общества”», а лучшая гостиница на площади «обозначена громадною вывеской “Hotel Новоселье”» (С. 787). Немирович-Данченко посвятил «гоголевским» наименованиям елецких заведений весьма экспрессивный пассаж, в котором прилагательное *уездный* особенно отчетливо актуализирует свои культурные коннотации: «В Ельце есть много так называемых “таверн”. Почему уездный кабак носит странное имя? Не потому ли, почему один здешний сапожник написал у себя на вывеске “Изделерри де Пари” и при сем сам объявил, что он Семен Переверстов из Берлина и Мадрида? Географию они изучали по вывескам трактиров, и посему его конкурент в той же улице засвидетельствовал, что он Фома Тычкин из “Золотого Якоря”»¹⁸.

Но дело не только в вывесках: в провинциальном мире приезжий всегда обнаружит что-нибудь курьезное. Погодин, проезжая по Весьегонскому уезду через «ужасные селения», где в домах «кровли раскрыты, стекол нет, углы на боку, заборы развалились», замечает: «Очень смешно в такой деревне увидеть было пожарные инструменты: ей больше опасности от воды, т.е. от дождя, чем от огня». Не без презрительной иронии пересказывает историк и свой разговор с весьегонским священником, который рассказал ему «о двух чудесах: как он давал на счастье золотить иконостас человеку ненадежному, а тот вы-

¹⁷ Немирович-Данченко В.И. Елец. С. 46–47.

¹⁸ Там же. С. 48.

золотил на славу, а потом как губернатор был доволен им и изъявил ему благодарность» (С. 108–109).

Во всех приведенных примерах курьезность провинциальных реалий заключается в гротескном несоответствии имени предмету, предмета – контексту. Очеркисты предъявляют читателю факты проявления такой неуклюжести как свидетельства истинно провинциальной ограниченности, причем ироническая интонация повествования, как правило, балансирует на грани смеха и досады. Так, В. Сидоров, описывая памятник Сусанину в Костроме, рассказывает историю о том, как «во время уличных демонстраций шумевшая толпа сбила топоры <с решетки ограды> и отломала поднятую руку Сусанина», сопровождая рассказ характерным комментарием: «Теперь все исправлено, но курьезно звучат эти слова “демонстрация в Костроме” и печально, что они выражаются так грубо и таким вандализмом»¹⁹. О такого же рода печальном курьезе весьегонской жизни рассказывает А. З-н, о проекте перенесения города на более высокое место с целью уберечь его от ежегодных наводнений: «Положим, Весьегонск <...> имеет всего только около 3,000 жителей и расположен, действительно, в местности нехорошей. Но все-таки надобно иметь очень пылкое воображение, чтобы написать проект для перенесения города на другое место, как будто какого-нибудь карточного домика» (С. 200)²⁰. Уездный мир в путевом очерке – это мир несоблюденных масштабов и нарушенных пропорций, в котором проекты и вывески грандиозны, а чудеса и изъятия политического протеста ничтожно мелки, это «миниятурный мир»²¹, в котором все несколько «не по-настоящему». «То, что приходит в провинцию, приходит в искаженном виде, как в детской игре в испорчен-

¹⁹ Сидоров В. По России. С. 124.

²⁰ О реализации подобных «сургюм-бурчеевских» проектов в екатерининскую эпоху см.: Клубкова Т.В., Клубков П.А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция... С. 24–25. По мрачной иронии судьбы Весьегонск стал одним из городов, подвергшихся частичному затоплению и переселению жителей при создании Рыбинского водохранилища в 1939–1941 гг. «...При советской власти эта “утопия” была претворена в жизнь» (Купцов Б.Ф. Весьегонск. Вехи истории. С. 110). Так в одночасье разом сбылись два весьегонских кошмара прошлого столетия: затопление города и перенос жилых строений на другое место.

²¹ См.: Строгонова Е.Н. «Миниятурный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. // Русская провинция... С. 196–205.

ный телефон. Так что следующий шаг после подражания – искажение»²².

6

Периодически проскальзывающее в словах и интонациях очеркистов ощущение пустотности, почти иллюзорности провинциальной жизни возникает не только в связи с нелепостью тех или иных ее проявлений, но и с такими устойчивыми характеристиками провинциального пространства, как пустота и тишина, неподвижность и безлюдье. Замечательно яркий и концептуальный в этом плане образ рисует в путевых заметках В. Сидоров, сообщая читателю свое впечатление от волжского городка Мышкина: «Скучный городишко, с острогом и собором, с покосившимися заборами, с давящей тишиной, представляет настоящее захолустье, где можно утонуть в грязи на улицах и площадях»²³. Надо сказать, что Весьегонск в глазах путешественников вполне соответствует этому типу «скучного городишки», безжизненного уголка провинциальной глубинки. «Унылым городом» называет Весьегонск посетивший его вскоре после крупного пожара 1839 г. чиновник И.И. Суханов²⁴, а довольно сдержанный обычно Ховен рисует откровенно мрачную, почти эсхатологическую картину «мертвого города» в гоголевском вкусе: «На улицах не видно ни души, какая-то мертвенность и пустота повсюду, одни коровы меланхолически расхаживают по топкой грязи» (С. 796).

Но, разумеется, наряду с устойчивым набором негативных характеристик провинциального города существует и позитивный ряд. Отчасти в него входят «положительные» варианты уже отмеченных отрицательных черт: например, с той же регулярностью, что и загрязненность городских улиц, отмечается их чистота и опрятность, нравы местного населения могут быть представлены развращенными и дикими, а могут, наоборот, – простыми и добрыми: и тот и другой вариант в равной мере соответствуют стереотипу провинции. Так, А. З-н сообщает свои впечатления от Весьегонского уезда: «Нравы жителей уезда, как отдаленного от больших городов, естественно должны быть, если не мягче, то по крайней мере чище и проще в самой своей грубости, чем нравы жителей, например, Вышнего Волочка с его фабриками и большими путями сообщения. Именно такой отзыв мы и слышали от людей, хорошо знающих Весьегонский уезд» (С. 200).

²² Фазолини М. Взгляд на усадьбу, или Представление провинциалов о русской столичной жизни // Русская провинция... С. 179.

²³ Сидоров В. По России. С. 88.

²⁴ Купцов Б.Ф. Весьегонск. Вехи истории. С. 103.

Наиболее устойчивые и частотные провинциальные «позитивы» в путевых заметках связаны с красотами местной природы, которыми путешественник любуется по дороге, и достопримечательностями, к которым равнодушно большинство путешественников. Для Погодина, например, непросвещенность и заброшенность провинциального захолустья компенсирует его культурно-историческая древность, следы которой иногда прочитываются в нравах, предметах и словах. Такие следы находит он и в Весьегонске. «Образ Богоявления должен быть очень древен»; «Женщины в кокошниках о трех углах»; «Услышал название дороги Белозерки, указывающей на древнее сообщение»; «Я уверен, что везде можно набрать интересных сведений, если б оставаться дальше» (С. 108).

7

Подведем некоторые итоги. Нетрудно заметить, что все путешествующие, попадая в Весьегонск, не могли не узнать в нем типичного уездного захолустья, или, точнее сказать, не могли воспринять и описать город вне этой его «типичности» при всей разнице исходных рецептивных установок наблюдателей и их доминирующих интересов. Образ Весьегонска, создаваемый в путевых заметках, замечателен отсутствием черт своеобразия и сгущенностью типических характеристик: удаленный, труднодоступный, маленький, невзрачный, грязный, неблагоустроенный, пустынный, скучный, сопротивляющийся просвещению, живущий «игрушечной» жизнью, с проявлениями провинциального идиотизма, со следами культурной древности, с простыми и грубыми нравами местного населения, и т.д., и т.п.

На сверхзаурядности, типичности Весьегонска настаивает и И. Гаузер, взгляд которого на город нельзя назвать отстраненным: «Думаю, что все сказанное о Весьегонске можно применить к сотням русских уездных городов...» Таким образом, автор исследования предлагает рассматривать Весьегонск как своего рода «опытную модель» уездного города, а наблюдения и выводы, касающиеся, в частности, его медико-санитарного состояния, как универсальные, применимые и к другим местам: «Весьегонск как город небольшой, легкодоступный наблюдению со стороны одного лица, представляет собой очень живой пример <...> и в этом заключается интерес предлагаемой статьи»²⁵.

Примечательно, что и в художественную литературу Весьегонск также попадает со значением типичного уездного захолустья. В сельской главе «Мертвых душ» Чичиков, мысленно выстраивая судьбу бег-

лого плюшкинского крестьянина Попова, в частности, рисует такую картину: «И пишет суд: препроводить тебя из Царевококшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь Весьегонск, и ты переезжаешь себе из тюрьмы в тюрьму и говоришь, осматривая новое обиталище: “Нет, вот весьегонская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так есть место, да и общества больше!”»²⁶. Выстраивается маршрут тюремных скитаний бывшего дворового: Царевококшайск – такой-то город – Весьегонск. Нарочитая безымянность и неопределенность среднего члена этой топонимической триады, обозначенного местоимением, сообщает ему значение виртуальности, которое контекстуально распространяется и на два других упоминаемых города. Этот эффект усугубляется нелепыми, многосложными, диковато звучащими названиями обоих городов (топонимический аналог излюбленным гоголевским вычурным именами типа Акакий Акакиевич, Кифа Мокиевич и т.п.). При этом Попова переводят не в Весьегонск, а в «какой-нибудь Весьегонск», и это как бы подчеркивает, что сам по себе Весьегонск в данном ряду отнюдь не уникален и может быть заменен любым другим уездным городом (кстати, в более ранних редакциях поэмы на этом месте стоял Волоколамск). Тем самым Весьегонск практически уравнивается по степени безыдивидуальности с «таким-то городом», выступая как произвольно выбранный возможных знак провинциальной глуши.

Фигурирует Весьегонск и у Салтыкова-Щедрина. Герой книги «За рубежом», встретив в Париже краснохолмского купца, тоскующего по привычной жизни в родном захолустье, предлагает во спасение от скуки «осуществить Красный Холм в Париже, Версаль претворить в Весьегонск, Фонтенбло в Кашин», для чего потребуется «самое обыкновенное оцепенение мысли», вводящее человека в «блаженное состояние, при котором Париж сам собою отождествляется с чем угодно: с Весьегонском, с Пошехоньем, с Богучаром и т.д.»²⁷. Речь, собственно, идет об ограниченности и косности обывательской ментальности, о застойности провинциального существования, «когда воображение потухло и мысль заскорбла, когда новое не искушает и нет мерила для

²⁶ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1959. Т. 5. С. 144.

²⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1988. Т. 7. С. 194. Еще одно произведение Салтыкова-Щедрина, в котором фигурирует Весьегонск, – «Современная идиллия», одна из глав которой описывает чествование «представителями весьегонской интеллигенции» «в качестве русского Гарибальди» «странствующего полководца» Редеди (там же. Т. 8. С. 296–297).

²⁵ Гаузер И. Город Весьегонск Тверской губернии... С. V.

сравнений»²⁸. И Весьегонск (точнее, Весьёгонск, как нарочито пишет Салтыков-Щедрин, воспроизводя местную норму произношения²⁹ и усугубляя присутствием в топониме буквы *ё* некоторую «неказистость» названия) метонимически обозначает всю безликую и везде одинаковую русскую провинцию, упоминаясь при этом, как и у Гоголя, в «связке» с другими городами: то с Красным Холмом и Кашиным, близлежащими тверскими городами, то с Пошехоньем и Богучаром, такими же равнозначными символами провинции для Салтыкова-Щедрина.

Очевидно, что при всей разнице и сюжетных и смысловых контекстов, в которых упоминается город у Гоголя, слышавшего о нем от Погодина³⁰, и у Салтыкова-Щедрина, который сам бывал там по делам службы, – оба писателя вводят в текст произведения название *Весьегонск* не с целью вызвать у читателя какие-либо ассоциации, а как одно из «знаковых» имен провинциальной глуши.

В отличие от многочисленных в русской литературе обобщенных «городов N» и т. п., криптонимические обозначения которых, «в той или иной степени лишают определенности и конкретности обозначенный таким образом провинциальный город», Весьегонск у Гоголя и Салтыкова-Щедрина намеренно вводится как одно из названий реальных, невыдуманных городов. Однако упоминание конкретных названий в этом случае не свидетельствует «о разнообразии объектов и индивидуальности каждого из них»³¹, поскольку все эти названия, согласно провинциальному мифу, именуют города, в каждом из которых «по определению» нет и не может быть ничего индивидуального. Царевкокшайск, Богучар, Весьегонск выступают в этом контексте как полные синонимы, общее значение которых «русский уездный город, провинциальное захолустье».

Итак, круг замкнулся: в беллетристике Весьегонск становится обобщенным знаком русского захолустья, образцовым примером которого он выступает в путевом очерке. Весьегонск и в публицистическом путевом очерке, и в тексте художественного произведения соот-

²⁸ Там же. Т. 7. С. 195.

²⁹ Такое произношение и написание имеет определенные основания (см.: Гаузер И. Город Весьёгонск Тверской губернии С. 2).

³⁰ Гоголь приехал из Петербурга в Москву в середине октября 1841 г., т. е. вскоре после возвращения Погодина из поездки, и остановился в его доме. Именно после этого в текст «Мертвых душ» попадает Весьегонск.

³¹ Белоусов А. Ф. Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа «Город Эн» // Первые Добычинские чтения. Даугавпилс, 1991. С. 12. 13.

несен со стереотипным представлением о провинциальном городе, в первом случае де факто, во втором – де юре. Актуальный в культуре и до сих пор стереотип провинциального города в основных чертах складывается в 1830-е гг., и из «весьегонских» очеркистов его диктат более ощутим у А. 3-на и Ховена, авторов 1860-х, чем у Погодина, делавшего свои записи в 1841 г., когда «закон еще не вступил в силу». Законодателем же выступила, несомненно, именно художественная литература³², и в первую очередь Гоголь³³, чью роль в утверждении стереотипного образа провинциального города и провинциальной жизни вообще трудно переоценить. На материале путевых заметок это видно особенно отчетливо: они буквально пестрят аллюзиями, особенно когда дело доходит до описания провинциальных нравов и провинциальных типов. В качестве иллюстрации абсолютной власти гоголевской «провинциальной парадигмы» приведем три фрагмента из различных путевых заметок, уже не имеющие отношения к Весьегонску. Так, Погодин рассказывает, как одна местная дама настойчиво требовала от некоего Ивана Петровича срочно выяснить, «кто это проезжий?» «Я хотел было подойти к этому оригиналу гоголевой Анны Андреевны и объявить свое имя», – пишет автор и затем продолжает рассказ, оставаясь уже в поле заданной ассоциации: «После прошло еще несколько человек к воротам, знакомых по “Ревизору”, верно с теми же вопросами» (С. 105).

А. 3-н, описывая жизнь общества в Вышнем Волочке, предваряет рассказ о конфликте в местном клубе такой преамбулой: «Мы хотим рассказать, какая и из-за чего вышла между членами одного и того же собрания разладица, чтобы по возможности дать понятие об уездном обществе вообще и в частности о вышневолоцком. Разладица эта, как нам рассказывали, напоминает ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»³⁴.

³² Многочисленные подтверждения этому см.: Строганова Е. Н. «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. С. 200–203.

³³ Об этом см., напр.: Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя (цитаты и комментарии) // Мир русской провинции и провинциальная культура. С. 6–7; Казари П. Русский провинциальный город в литературе XIX в.: парадигма и варианты // Русская провинция... С. 165; Строганова Е. Н. «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. С. 201.

³⁴ А. 3-н. Путевые заметки о городах Тверской губернии. I. Вышний Волочок. С. 105.

А В.И. Немирович-Данченко, желая ярче обрисовать характер управляющего железной дорогой, сочиняет ему «гоголевскую» родословную: «Давно как-то помещик Плюшкин (Гоголь забыл рассказать об этом) попал случайно к таковой же помещице Коробочке, ночью, в метель. Делать нечего, пришлось остановиться у нее. Через девять месяцев после того Коробочка, неожиданно прибыв в город к протопопу отцу Кириллу, разрешилась у него от бремени младенцем мужского пола. Сей «тайный плод любви несчастной», придя в соответствующий возраст, соединил в себе скупость своего папеньки Плюшкина с необычайным хозяйственным гением Коробочки. Железная дорога на Елец попала впоследствии в руки к этому господину»³⁵.

Возникает ощущение, что публицисты просто не могли позволить себе ни шагу ступить в изображении провинции, провинциальной жизни и провинциальных типов, не оглядываясь постоянно на Гоголя. Вслед за Гоголем в число создателей канонизированных моделей изображения провинции вошли Островский, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Чехов. Из художественной литературы заимствует путевой очерк и «метастереотип» провинциального города: «все провинциальные города похожи друг на друга»³⁶, во многом определяющий методику знакомства читателя с городом. Однако существенное различие между беллетристикой и публицистикой в характере соотнесения общего и частного связано с тем, что в первом случае авторская интенция – «описать один город N, чтобы дать представление о всех <...> городах»³⁷, тогда как путешественник, наоборот, представляя читателю конкретные «все города» в их своеобразии, демонстрирует или подразумевает их соответствие общему стандарту – городу N.

³⁵ Немирович-Данченко В.И. Елец. С. 108.

³⁶ Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя. С. 21.

³⁷ Там же.